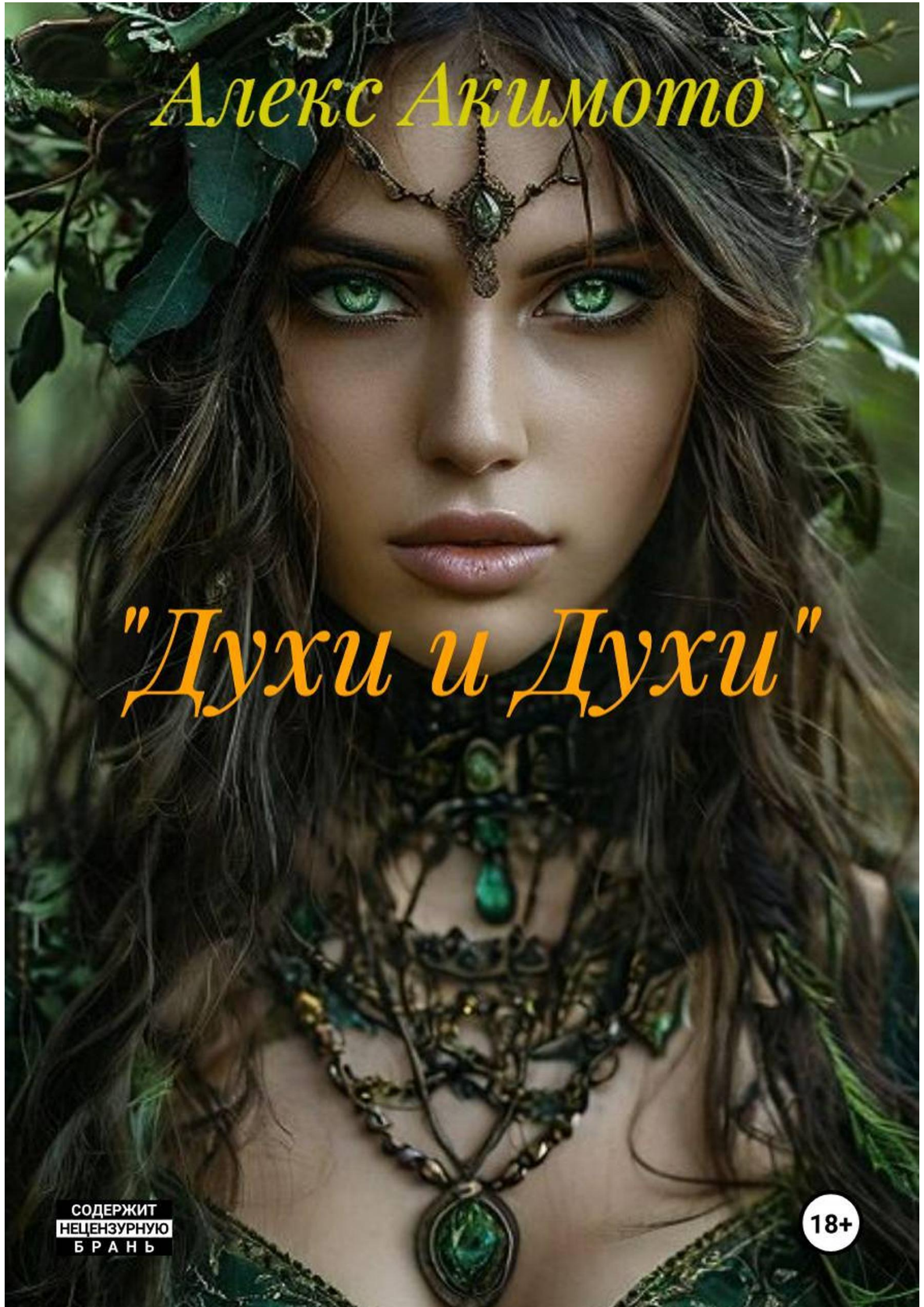

A close-up portrait of a woman with long, wavy brown hair and striking green eyes. She is wearing a dark, ornate necklace with green gemstones and a matching headpiece with a central green gemstone. Her hair is adorned with green leaves and branches. The background is a soft-focus green forest.

Алекс Акимото

"Духи и Духи"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс АКИМОТО

"Духи и Духи"

«Автор»

2026

Акимото А.

"Духи и Духи" / А. Акимото — «Автор», 2026

Мужчина падает в ледяную карельскую реку и просыпается в избе без окон. Две женщины кормят его ухой. Одна говорит: «Судьба твоя, соколик». И он понимает, что не хочет уходить. Но память не отпускает. Церковные привороты и ведьмы, плюющие на иконы. Клубные туалеты и задние сиденья перед Новодевичьим. Уродливая Елена и пирог из баранины. Разрушение. Мелида, отливающая воском змею с его шеи. Олег, несущий цепь двадцать шесть лет и убитый в подъезде между третьим и четвёртым. Всё вело сюда. К костру. К полыни. К изумрудным глазам. К девочке по имени Заря, которая открывает глаза и смотрит не моргая. Запоминая навсегда. Не прощаясь. Не оставаясь. Улетая. Это не мистика. Не эзотерика. Не фэнтези. Это жизнь. Со всеми её матюками, бабами, приворотами, мертвецами, русалками и берёзовыми дровами. Гой еси. Гой.

© Акимото А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ОГЛАВЛЕНИЕ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	7
ЧАСТЬ I. ИЗБА	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

"Духи и Духи"

Глава

Тогда Тень почувствовала, что есть тот, кто сильнее её. Она позавидовала и, когда забеременела от себя самой, тотчас родила Зависть. С того дня появилось начало Зависти во всех Эонах и их мирах. Зависть же та — нашла её подобной выкидышу, в котором нет духа. Он стал подобен теням в великой водной субстанции.

Библиотека Наг-Хаммади, «О происхождении мира»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора

Часть I. ИЗБА (*настоящее*) Глава 1. Пробуждение Глава 2. Мир Лады Глава 3. Страсть

Часть II. ВЕНЕЦ (*воспоминание*) Глава 4. Обряд Глава 5. Николай и Анна

Часть III. НАВЬ (*воспоминание*) Глава 6. Морг Глава 7. Бабушка Маша. Русалка. Лесунья

Часть IV. РОДНИК (*воспоминание*) Глава 8. Карелия. Шторм. Падение

Часть V. ПРИВОРОТ (*воспоминание*) Глава 9. Олег. Клуб. Елена. Пирог Глава 10. Разрушение. Мелида Глава 11. Олег. Два пути

Часть VI. КРОВЬ (*воспоминание*) Глава 12. Приворот на крови. Карма. Клятвы

Часть VII. РОД (*воспоминание*) Глава 13. Славянская свадьба. Каравай

Часть VIII. МАТРОНА (*воспоминание*) Глава 14. Покровский монастырь. Спортзал

Часть IX. СУДЬБА (*настоящее*) Глава 15. Мир Лады. Откровение Глава 16. Дочь. Расставание Глава 17. Он будет

Эпилог Послесловие автора

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга не для всех. И я говорю это не ради красного словца или дешёвой интриги, которой так любят баловаться современные писаки, лепящие на обложки своих творений ярлыки «бестселлер» и «сенсация».

Эта книга для тех, кто устал. Устал врать себе. Устал делать вид, что жизнь — это бесконечная лента в телефоне, ипотека, корпоратив, развод, алименты и таблетка от давления в сорок лет. Устал притворяться, что любовь — это бабочки в животе, а венчание в церкви — благословение свыше. Устал не знать, кто он, откуда пришёл и зачем его сюда бросили.

Я не писатель в том смысле, который вкладывают в это слово литературные институты и критики, заседающие в жюри премий. Я не подбирал слова годами, не вылизывал метафоры и не выстраивал сюжет по канонам трёхактной структуры. Я просто рассказываю. Как есть. Как было. Как пахло.

Потому что вся моя жизнь — а мне довелось обмывать мертвецов в лихие девяностые, тренировать каратистов в бывшем храме, быть привороженным страшной женщиной и спасённым не менее страшной, падать в ледяную карельскую реку и просыпаться в избе без окон — вся моя жизнь была связана с запахами. Зловонными, сладкими, горько-кислыми, нейтральными. И каждый запах вёл к чему-то большему. К тому, что мы называем Духами. И к тому, что мы называем духами.

В этой книге есть всё, что принято прятать. Кровь месячных и церковные бесы. Привороты и отливки воском. Русалки и Лесуны. Священники, которых я называю чёрными жрецами, и ведьмы, которые честнее большинства из них.

Кому-то будет оскорбительно. Кому-то страшно. Кто-то закроет книгу на второй главе и скажет: «Бред сумасшедшего». И будет по-своему прав. Потому что сумасшествие — это видеть то, чего не видят другие. И говорить то, что другие боятся даже подумать.

Я не призываю верить мне. Я призываю думать. Задавать вопросы. Почему священник желает жениху быть как Иаков, обманувший отца и зачавший детей от четырёх женщин? Почему невесте желают быть как Рахиль, продавшая мужа за овощи и умершая в родах? Почему слово «невеста» означает «не имеющая вести»? Почему статистика разводов в древней Руси была один-два процента, а сегодня — семьдесят?

Ответы не в этой книге. Ответы в вас. Я лишь даю направление взгляда.

Эта книга написана для моих сыновей. И для тех, кто близок мне. И для тех, кому интересен опыт человека, который прошёл через всё это и не сломался. Который понял, что любви в её физической проявленности на земле не существует. Но есть нечто большее. То, что не объяснишь дофамином и окситоцином. То, что живёт в запахе берёзовых дров в карельской избе. В изумрудных глазах женщины, которая кормит тебя ухой и говорит: «Судьба твоя, соколик».

Не судите строго. Я не литератор. Я живой человек, который рассказывает свою историю. Со всеми её матюками, со всеми её бабами, со всеми её духами и Духами.

Гой еси. Гой.

Алекс Акимото

ЧАСТЬ I. ИЗБА

Глава 1

Тихое потрескивание костра и запах терпкого полынно-горького дыма стал доноситься откуда-то издали. И тихий, урывками, женский с хрипотцой голос, то нарастающий, то резко пропадающий, будто нестабильный приём радиоволны, доносил до меня:

«Духи Рек, воды тьмы Нави и Света Прави... ..вода Сестрица, земли Матери кровлица... Не печаль моё сердёнько... Прими поклон и дары... Отпусти... Возверни...»

И я вновь провалился в чёрную яму. Летел, кажется, долго. И сердце колотилось, обуянное страхом, что вот-вот ударюсь об дно и расшибусь вдребезги.

Изнутри в груди меня как будто ударило чем-то тяжёлым, гулким. Я открыл глаза. Не шевелясь, взглядом обвёл всё вокруг, лёжа на чём-то твёрдом, но застланном и укрытый оленьими шкурами, на топчане. Голова гудела, губы высохли и потрескались. Страшно хотелось пить. С усилием я облизнул потрескавшиеся губы, почувствовав вкус крови. Как будто мои губы кровоточили, и ранки на губах задержали на себе капельки застывшей крови.

Попытался пошевелить руками — и не понял. Такое ощущение, что ни ног, ни рук у меня нет. «Так, — сказал я себе. — Это что за херня? Почему я ничего не чувствую?» Я повторил попытку снова, стараясь привстать, но и это оказалось тщетным занятием. Я лежал без движения, как труп.

Ужас охватил всё моё сознание. И растерянность. Что это? Почему?

Медленно, с трудом приводя свой покой в равновесие путём замедления вдоха и выдоха, осознание моё всё-таки стало приходить в более или менее ясное состояние. Во рту появился полынный вкус — такой терпкий и неприятный, как когда-то в Москве, в ночном клубе «СОНО», меня в компании моих партнёров по случаю завершения сделки и получения большой прибыли с продажи одного гавёньского убыточного завода на Урале уговорили выпить самбуку, закусывая её кофейными зёрнами. Гавно ещё то, скажу я вам.

И вот такое же ощущение появилось в этот раз у меня, лёжа чёрт знает где, обездвиженным и, как оказалось, совсем голым, укрытым оленьими шкурами. То ли в доме, то ли в землянке, а то ли в яме, но с деревянными стенами из почерневших от времени и копоты брёвен, в которых не было даже окон.

Как будто не своим голосом, я произнёс в темноту совсем не слушающимся меня языком:
— Тут есть кто-нибудь?

Подождав пару мгновений и вслушиваясь в тишину сквозь потрескивание и шипение огня, а затем, не услышав ответа, я снова повторил фразу:

— Тут есть кто-нибудь?

То ли топчан, то ли деревянная кровать, на которой я лежал как якут в мехах, стояла в одном из углов прямоугольного помещения примерно четыре на пять метров. В противоположной стороне от входной двери, больше похожей на невысокую калитку, оббитую изнутри непонятно каким то ли тряпьем, то ли мехами, что в полутьмах и не разберёшь. И я мог видеть все остальные противоположные углы, едва-едва освещаемые костром, обложенным небольшими вкруг камнями, расположенными в центре помещения и обрамляющих этот костёр, над которым на металлической треноге висел железный — или, мать его, алюминиевый — закопчённый дымом чёрный котелок.

На мои призывы никто не откликнулся. Но в обоих углах, которые лишь силуэтами могли быть определены на глаз, по очереди что-то стало шевелиться. Мне искренне стало очень не по себе. Шевеление стало сопровождаться то ли сопением, то ли так проявлялось дыхание неиз-

вестных мне существ. Но ощущение накатывающегося на меня ужаса стало нарастать с каждым таким новым шевелением всё больше и больше. Страха добавляли колышущиеся языки пламени костра, придающие увиденному ещё больше устрашающих мыслей. И осознание того, что я беспомощно лежу обездвиженный и не в состоянии никак этому даже противостоять, если на меня что-то нападёт, — и это меня стало вгонять в состояние, близкое к панической истерике.

Насколько это было возможно физически в том состоянии, в котором я был, я скосил глаза в сторону шевелящихся поочерёдно существ в углах — или, чёрт их знает, кого, — с колотящимся сердцем в моей груди, как будто это было не сердце, а локомотив, мчащийся в пропасть.

Затем в правом углу сначала появилась то ли из-под лохмотьев, то ли из-под мехов нечто похожее на человеческую ногу. И затем появилась ещё одна — подобие ноги без одежды и даже без носков или чего-либо. И потому что пол, на котором это лежало, был земляным, и наверняка лежать голым на нём было мало приятного, по крайней мере в моём понимании, — и это ещё больше привносило сумятицу в понимание того, что же это, блядь, такое? Что за невидаль, мать твою?!

Движение в этом углу прекратилось, а вытянутые конечности, смутно различимые в темноте, замерли. В левом же углу, наоборот, нечто привстало и, по всему судя по позе, на четвереньках, а затем присело на задницу, прислонившись спиной к стене. Силуэты и очертания напоминали человеческие, но сказать это утвердительно, с полной уверенностью, я не мог. Темнота и ужас не давали мне возможности трезво оценить обстановку и реагировать спокойно на происходящее со мной и всем тем, что творилось перед моими глазами в этот момент. Ни о чём другом, естественно, как о мыслях, что это какая-то нечисть, не было.

Затем наступила тишина. Всё замерло, как будто ничего не происходило. Нечто похожее на ноги человека продолжало неподвижно лежать. Как и то, что сидело в левом углу, не подавая никаких признаков жизни. Костёр медленно догорал, и его тёплые языки пламени лишь изредка слабыми всполохами едва освещали тёмные стены помещения. Я же мысленно молил его не гаснуть, потому что тогда во тьме я и вовсе боялся умом тронуться от неожиданности, если какая-нибудь сущность вдруг начнёт выкидывать фокусы.

Неожиданно раздался звук открывающейся двери с сильным скрежетом, как будто гвоздодёром или фомкой из бревна тащили старую ржавую железную скобу. Затем послышались приближающиеся шаги двух пар — по всему слышимому — ног. «Ну, думаю, если это человеки, то может и ничего страшного не случилось, как я тут себя накрутил», — промелькнуло в моей голове.

— Ну что, милоч, пришёл в себя? — сказал женский голос с интонацией, какой обычно говорят пожилые женщины. Не с укоризной, не с удивлением, а с некой констатацией произошедшего: мол, угораздило тебя, как и ожидалось, по неосторожности. А ведь предупреждали.

Манерой обращения и нотками, которые точно не спутаешь с молодым девичьим звоном, коим наделяет человека природа по мере прожитых лет каждого.

Трудно было догадаться, сколько времени я пролежал, потому что у меня не было никакого представления, что же со мной случилось с мгновения моего удара обо что-то. И это единственное, что я помню, и после чего наступил провал. Возможно, это был камень или бревно, зажатое между камней, которых очень много на речных порогах.

Женщина, склонившаяся почти в темноте надо мной, разговаривала со мной на манер, каким говорят старики северных народов — окая и протягивая слова. И я признаюсь честно: очень любил с бабушками в сибирских глухих деревнях посидеть на завалинке вечером и слушать их разговоры о былом и насущном. А нередко их песнопения, пробирающие меня до дрожи в сердце и накатывания слёз на глаза от задушевности, наполняющей меня от тепла услышанных слов, смысл которых многих я даже не понимал.

В молодости — а я бы сказал, в отрочестве — мои друзья детства, переехавшие в Новосибирск из столицы, приглашали меня на летние каникулы в гости. И мы шумно проводили каникулы именно в деревнях, далеко от цивилизации, за добрую сотню с лишним километров, у родни моих одноклассников. Это было, наверное, самая прекрасная пора, самое лучшее время моих детских воспоминаний.

А я молода, и вяну как и трава. Кину брошу мир, пойду в монастырь.

Там я буду жить, всем людям служить. Там я выстрою келию новаю.

Келию новаю, трёхаконную. Первое окно во чисто поле.

Другое окно во синёе море. Третье окно во мой зелён сад...

— Где я?!

Было моим первым вопросом, прошамканным непослушными губами и языком, налитым тяжестью то ли онемения, то ли от страха, или от отсутствия сил говорить. И прозвучало это как будто сухой лист скомкали между ладоней.

От обоих подошедших к моей лежанке пахло ромашками и горькой полынью. Прохладная и очень мягкая женская рука легла мне на лоб, затем провела по лицу, ощупала грудь и живот, что привело меня в небольшое замешательство и смущение от неожиданности.

А после второй голос, что чуть помоложе и помягче, ответил:

— Ну, ещё тебе, милок, полежать надобно денёк-другой.

— Какой денёк? — с трудом ответил я. — В лагере меня поди уже ищут с собаками.

— Уж не знаю, с какими там собаками, но в такую погоду собаки точно носа на двор не кажут из избы, — мягко и вновь слегка окая, проворковал более молодой и высокий голос. И затем, продолжив, добавил: — Максиму Ильичу мы сказали, что ты у нас. Чтобы он не полошился. Так что отдыхай, набирайся сил, а там и далече будет видно.

Затем обе женщины отошли от меня, не дав задать им вопросы. И пока одна разводила огонь, вторая принесла снаружи ведро с рыбой. И женщины, уютившись у небольшого деревянного корыта-долблёнки, стали чистить длинными ножами, поблёскивающими под языками пламени, речную форель, не обращая на меня никакого внимания, всецело погрузившись в процесс готовки.

В течение получаса помещение наполнилось ароматом рыбной ухи, пробудившего во мне просто зверский аппетит. Я молча лежал и наблюдал за женщинами, одетыми во всё длинное и простое. Их волосы были убраны под такие же простые платки, из-под которых выбивались пряди волос, цвет которых я не мог рассмотреть из-за полутёмного освещения и теней, причудливо прыгающих по чёрным бревенчатым стенам, на которых были развешаны пучки сухих трав и мешочки самых разных размеров, сшитых из грубой ткани наподобие мешковины. Под потолком висели гирлянды сушёной рыбы разных видов и размеров и вязанки грибов. В углу рядом со мной, на расстоянии вытянутой руки, стоял большой сундук, на котором так же, как и на моём ложе, лежали оленьи шкуры и подушка в виде матерчатого валика.

Уха поспела. И одна женщина из той, что помоложе, наполнив деревянную плошку ухой, подошла ко мне и, приподнимая мою голову, как бы умошая её на своих коленях, нечаянно пару раз ткнула меня губами и подбородком в свою, как оказалось, большую и упругую грудь, по моим ощущениям оказавшуюся без лифчика. И усевшись наконец, и удобно положив мою голову на свои колени, как маленького ребёнка, стала поить меня наваристым душистым бульоном с мелкими нежными кусочками форели, сразу растаявшими во рту.

Обволакивающий, маслянисто-густой вкус наваристой ухи потёк первым глотком в мой желудок. И затем ещё, и ещё. А с ними тут же стала приливать сила. И, о чёрт его подери, сразу же и как не кстати мне захотелось близости с этой женщиной. Это было крайне неловко, и я от этой своей неловкости покраснел. И моё смущение тут же заметила моя, так сказать, кормилица, потому что мягкая оленья шкура, которая прикрывала мою наготу, заметно при-

поднялась над моим животом. На что кормящая меня женщина заливисто, звонко, но по-доброму рассмеялась.

— Здоровеешь, мил человек, на глазах! — и снова захохотала, прикрывая свои губы одной рукой и держа плошку с ухой в другой.

И тут та, что постарше, спросила:

— Почём смех-то, Ладушка?

И Лада — как оказалось, звали эту мою кормилицу, — продолжая смеяться, ответила:

— Да смешно как-то, матушка. Как дитё малое, с ложечки кормлю мужика-то здоровенного! Поди пудов семь точно будет. Одна голова как наковальня по весу, — улыбаясь и смотря с хитринкой мне в глаза, сказала Ладушка, продолжая смеяться, украдкой поглядывая на приподнятую бугром оленью шкуру над моим «животом».

В то мгновение я искренне был благодарен Ладе за то, что она не посрамила, не посмеялась надо мной перед взрослой тёткой, а оставила эту неожиданную неловкость, произошедшую с моей эрекцией, маленькой тайной, оставшейся между нами.

В паху ещё сильнее стало сжиматься, тесня напряжением оленьи шкуры. И острее чувствовалась пульсация в нижней части тела. А голова, вопреки моей непреодолимой похоти, тихо и настойчиво проваливалась в сон. И я, поглощаясь царством Морфея, едва успел подумать: «Как странно, желание головы на сей раз сильнее». И веки, смыкаясь, растворили еле уловимый образ улыбающейся Лады, склонённый над моим лицом.

И я уснул мертвецким сном.

Глава 2

На третий день я встал.

Не сразу. Сначала сел, потом опустил ноги на земляной пол, и ступни обдало прохладой земляного пола. Лада, стоявшая у очага, обернулась, увидела меня и не сказав ничего только кивнула. Как будто я не три дня лежал бревном, а просто задержался с пробуждением на полчаса.

— Пойдём, соколик, — сказала она. — Хватит в четырёх стенах лежать как калач на печи. Полежал — и будет те сокол ясный. Негоже валяться такому здоровяку как бревно топлёное, что река принесла. И Лада зазвенев серебряным смехом как козочка побежала впереди, лукаво оглядываясь как на того кого любят искренним сердцем, как будто мы знакомы уже вечность.

И я пошёл за ней босой, в той чистой рубахе из грубого полотна, которую она мне положила рядом с лежанкой, пока я спал. Штаны из такой же ткани, подвязанные плетеной алой верёвкой и уги на ноги, тёплые, ещё пахнувшие дымом и травами.

И когда я обувал их, мои руки почему то задрожали от легкого волнения. Как у совсем юного мальчишки, который впервые идёт на свидание. Как будто и не было тех толп клубных баб и череды любовниц. Не было Москвы, и не было ничего что могло связывать меня с тем миром, откуда я пришел.

Мать Лады — сидела у порога и молча плела что-то из бересты и не поднимая головы тихо сказала:

— Не отходи далеко, лес пока не твой. Духи с твоими духами не поладят. Гляди что Лада делает, то и сам старайся чай в гостях.

Спустя время, мне стало понятно, почему Катерина столь не разговорчивая и постоянно и без усталости рукодельничает. Почему она плетёт по многу, и вяжет каждый день...

Кк оказалось, Катерина потеряла семерых детей. Всего за одну неделю семерых детей. Мал мала меньше. Первенец — мальчик, потом двойня, потом девочка... И последний — самый маленький, которому было три дня и ещё не умел даже толком кричать. Тихо, как птенец, - замер.

Болезнь пришла из городов. Из того, что называют прогрессом. И забрала всех. За одну неделю, семерых. И Катерина осталась, с Ладой. Которая тогда была совсем маленькой. И не понимала, почему мать не плачет, и почему мать не кричит а просто смотрит в одну точку, сидя безмолвно...

В первый день, когда смерть забрала первого. А затем умноженная на семь, боль не увеличивается. Она становится тишиной. Абсолютной. Полной, как дно колодца, куда не падает свет.

И с тех пор душа Катерины ушла. В те самые берёзы, белые, с чёрными полосками, которые стоят по берегам Пистайоки и дышат медленно, глубоко, как Лесовики.

Лада взяла меня за руку. Её ладонь была тёплой, шершавой, с мозолями на подушечках пальцев. И мы вышли.

Мир за порогом избы был не тот, что я знал до падения в воду.

Не то чтобы другой лес, другая река, другое небо. Нет. Всё было то же самое — карельская тайга, сентябрь, хариус в реке, журавлиные косяки в вышине. Но я видел его иначе. Или Лада показывала мне его иначе. Как будто кто-то снял с моих глаз плёнку, которую я носил тридцать пять лет и не знал, что она там.

Она вела меня по тропе, которая не была тропой. Между деревьями, которые не были деревьями. Я не могу объяснить это словами, потому что слов для этого нет. Но я попробую.

Вот берёза. Обычная берёза, белая, с чёрными полосками. Лада остановилась, положила ладонь на ствол и сказала:

— Слышишь?

Я прислушался. Ничего. Ветер. Птицы. Треск сучьев где-то далеко.

— Не ушами, — сказала Лада. Сердцем слушай.

И я положил ладонь на ствол. И почувствовал не звук, и не вибрацию, а что-то другое. Как будто внутри дерева кто-то дышит. Медленно, глубоко и интервалом в несколько минут. Как будто дерево спит и видит сон, который длится сотни лет. И этот сон тёплый, и в нём солнце с дождём творящих радугу.

Это Дух леса батюшки, — сказала Лада. — Не Леший, кто путает. А Батюшка лесной — тот, кто хранит. Он тут с того дня, как первый корень в землю ушёл. И будет тут, когда последний корень сгниёт, и после. Потому что Дух — это не дерево это жизнь наша.

Я стоял держа ладони на тёплом стволе дерева, и чувствовал себя глупым и несуразным, каким то кривым и черствым стесняясь всего что только мог здесь слышать, как будто шел по городу голым.

Лада вела меня дальше. И присев у рыжей хвойной кучи, указав рукой сказал, гляди... Вот муравейник.

— Видишь? Не муравьи. У них тут свой город. Свой царь и свои законы. Не лезь. Не ломай. Не трогай. Они тут раньше тебя. И будут после нас всех.

А вот камень волшебный, серый да мохнатый. Лада едва коснулась его пальцами, и достав краюшку хлеба, положила на него со словами обходя с уважением. Как обходят спящего медведя, и взяв меня за правую руку левой, а правую на камень серый положила и пылко так, с силой и громко сказала запрокинув лицо в небо как будто улета в него;

Именем Света, именем Рода, именем силы его! Перун насылает благодать на призывавших её. Силу и славу, твердость и ярость, даждь Перун моему соколу в бою. Гроном явленный, будь вдохновенным, волю яви свою. Именем Бога Седого Сварога воину силу даждь моему мужу предреченому. Сыну и брату рода моего, другу и вою, волю свою яви. Ныне и присно и от круга до круга! Тако бысть, тако еси, тако буди гой еси, гой еси, гой!

А затем замерев, как будто прислушиваясь, улыбнулась и сказала, благодарю тебя батюшка и не отпуская мою руку, поклонилась камню и потянула меня дальше в чашу и резко вскинув руки мне на плечи, поцеловала меня стоя на цыпочках. И глядя в глаза сказала. Сокол мой ясный, жить тебе долгие годы в сердце со мной! А из глаз её, потекли слёзы, тяжелые и крупные как речные жемчужины.

Затем отвернулась смахивая слезу на ходу, показала рукой на ручей с водой как стекло синее. Водяной тут отдыхает. Днём его место любимое. Когда солнце высоко не ходи сюда, не буди. Осерчает старик.

Лада зачерпнула воду ладонью, поднесла к губам, не выпила. Подержала чуток и вылила обратно что в ладонях осталось.

Водицу сестрицу, земли кровицу люби, как жизнь свою и уважай. Хочешь пить, пей да спрашай и не важно где пьёшь и каких краях. Спросить обязательно нужно.

Я смотрел на неё. И думал: сколько лет она так живёт? Сколько лет каждое утро говорит «здравствуй» деревьям, камням, ручьям? Сколько лет просит разрешения у воды? И не сходит с ума. И не устаёт. И не хочет в город. В магазин. В кафе. В кино. В интернет. В мессенджер. В пробку. В офис. В лифт. В квартиру с пластиковыми окнами и запахом микроволновки.

Не хочет. Потому что здесь всё живое. А там всё мёртвое. И она это знает. Сердцем своим, душой голубиной.

Лада вела меня к реке. Не к тому месту, где мы разбили лагерь с Ильичём и Андреем. Дальше. Туда, где река расширялась и становилась тихой, почти стоячей. Где вода была тёмной, как крепкий чай, и в ней отражались деревья так чётко, что не понять, где верх, где низ. Где небо кончается и начинается вода. Где облака плывут не по небу, а по дну.

На берегу, в камышах, сидела русалка.

Та самая. С чешуйчатой кожей и перепончатыми пальцами. Та самая, что утащила бабушку Машу в омут семьдесят лет назад. Сидела, свесив ноги в воду, и расчёсывала волосы гребнем из рыбьей кости. Волосы длинные. Зелёные. Мокрые. Блестящие на солнце, как чешуя.

Я замер. Лада — нет.

— Здравствуй, сестрица, — сказала Лада. Спокойно. Как соседке через забор. Как будто каждый день видит русалок. А может, и видит. Каждый день.

Русалка подняла голову. Посмотрела на меня. И я почувствовал, как по спине пробежал холод. Не страх. Узнавание. Как будто она смотрела не на меня, а сквозь меня. Видела всё. Каждый приворот. Каждую бабу, мою страсть к деньгам и славе. Каждую бутылку вискаря, и каждую ложь. Каждую измену и порево в клубных туалетах и на заднем сиденьи перед Новодевичьим. Каждый рабочий мой день наполненный жадностью, лицемерием и неверием всем и даже самому себе.

Русалка сказала что-то гортанно кричающе. Я не понял слов. Но Лада ответила:

— Он не из наших, но в сердце моём. Не серчай сестрица.

Русалка посмотрела на меня ещё раз. Долго. Внимательно. Как оценивают. Не тело. Не лицо. Душу. И нырнула. Бесшумно так. Как будто её не было. Только круги по воде. И запах такой терпкий, - рыбный...

— Она спрашивает, зачем ты тут, — перевела Лада. — Я сказала, что не знаю. Что ты сам не знаешь. Что тебя река привела.

Лада улыбнулась и добавила.

— Русалки не верят. Русалки знают. Она знает, зачем ты тут. Даже если ты это не ты.

Мы шли дальше. Лада показывала мне мир, в котором она жила. Не мир из книг, не мир из телевизора, не мир из интернета. Мир, в котором у каждой коряги есть имя. У каждого камня — память. У каждой реки — характер и беда.

Вот этот валун у воды — тут Водяной сидит, когда луна полная. Не злой. Просто тяжёлый. Не любит, когда его тревожат. А вот эта ива, склонившаяся над ручьём, — тут Кикимора живёт. Не злая тоже. Просто одинокая. Плачет по ночам, и ручей от этого становится солёным. Если прислушаться в полночь, можно услышать. Не плач. Пение. Тихое. Горькое. Как колыбельная для того, кого некому укачать.

А вон там, за тем холмом, где три сосны растут в ряд, — там Духи бродят. И Лесунья с ними она не наша. Другая. Молодая ещё. Ей всего то двести лет. Она недавно пришла. Из-за Урала. У неё там своих не стало. Ходит. Смотрит. Привыкает. Не злая. Просто потерянная. Как я.

— А ты? — спросил я. — Ты откуда?

Лада остановилась. Посмотрела на меня. И в её изумрудных глазах я увидел что-то, чего не видел раньше. Не грусть. Не тоску. Что-то более глубокое. Как будто на дне колодца, куда не достаёт свет, лежит что-то тяжёлое и холодное. И это что-то — не камень. А память. О тех, кого больше нет.

— Из Сибирских лесов, — сказала она. — Давно. Мы шли долго. Нас было много. Род большой. Ворожей, знахарки, те, кто с Духами говорит. Бабушки, матери, сёстры, тётки. Целый Род. Тридцать семь женщин. Тридцать семь голосов, которые знают язык леса, воды, огня и земли.

Она замолчала. Пошла дальше. Я за ней.

— Болезнь пришла, — сказала она, не оборачиваясь. — Не та, что тело ест. Другая. Та, что Духа ест. Пришла из городов. Из дыма. Из железа. Из того, что вы называете прогрессом. Из труб, которые плюют ядом в небо. Из дорог, которые режут лес на куски. Из проводов, которые висят над головой и гудят, как рой мёртвых пчёл. И стала косить. Не по одному. По десять. По двадцать. Бабушки уходили первыми. Тихо. Во сне. Как будто засыпали и не просыпались.

Потом матери. Потом сёстры. Тётки. Дочери. Кто сильнее был — тот дольше держался. Но тоже уходил.

Она остановилась у дерева. Положила ладонь на кору. Как раньше. Но не для меня. Для себя. Как будто дерево могло утешить. Как будто кора тёплая, и под ней кто-то дышит, и это дыхание лечит.

— Остались мы. Я и мать. Катерина. Последние. Из всего Рода. Тридцать семь голосов. И два осталось. Мой и материн.

— А почему тут? Почему в этой избе?

Лада обернулась. И улыбнулась. Но улыбка была не радостная. Она была уставшая. Как улыбка человека, который шёл очень долго. И дошёл. И сел. И больше никуда не пойдёт.

— Потому что я не знаю другого мира, соколик. И не признаю его. Мне не нужен ваш мир. Ваши машины. Ваши телефоны. Ваши клубы, где вы друг друга ебёте в туалетах и называете это любовью. Ваши церкви, где бесы живут под куполами и называют это Богом. Ваши деньги, за которые вы продаёте друг друга. Ваши экраны, в которые вы смотрите вместо того, чтобы смотреть друг другу в глаза.

Она обвела рукой лес. Реку. Небо. Камыши. Валун. Иву. Берёзу, в которой дышал Лесовик. Муравейник с его царём и законами. Ручей, у которого нужно спрашивать разрешения.

— Вот мой мир. Тут Духи. Русалки, Лешие, Лесовик, Водяной. Кикимора. Они живые и ты их видел. Они настоящие и они тут. А ваш мир — пустой. Вы убили в нём всё живое и поставили вместо этого экраны. И сидите перед ними. И смотрите. И думаете, что живёте. А вы не живёте. Вы смотрите, как живут другие в этом экране.

Я молчал. Потому что нечего было ответить. Потому что она была права. И я это знал. Знал всегда. Но боялся признать.

Мы вернулись в избу к закату. Катерина уже поставила котелок. Пахло грибами и чем-то травяным, горьким, но приятным. Как лекарство, которое не хочется пить, но после которого становится легче.

Катерина посмотрела на меня. Впервые — прямо. Не как на больного. Не как на гостя. Как на человека.

— Видел? — спросила она.

— Видел, — ответил я.

Она кивнула. И больше не сказала ничего. Но в этом кивке было всё. Принятие. Ты видел мой мир. Ты не убежал. Ты не засмеялся. Ты не достал телефон, чтобы сфотографировать. Ты просто видел. И этого достаточно.

Глава 3

Ночью я не спал.

Лежал на своём топчане, укрытый оленьей шкурой, и слушал, как потрескивает костёр. Катерина спала на сундуке, отвернувшись к стене. Её дыхание было ровным, глубоким, как у человека, который не боится завтрашнего дня. Который прожил столько, что страх потерял смысл. Остался только покой. И береста в руках. И тихое посапывание.

Лада сидела у костра. Поджав ноги. В той самой белой рубаше. Расчёсывала волосы. Медленно. Гребень за гребнем. И каждый взмах был как маятник. Туда. Сюда. Туда. Сюда. И волосы падали на плечи, на спину, на колени. Чёрные. Густые. Живые. Блестящие в отблесках пламени, как река в лунном свете.

Я смотрел на неё. И она знала, что я смотрю. Не оборачивалась. Не смущалась. Просто расчёсывала волосы. И ждала. Чего? Не знаю. Может, меня. Может, утра. Может, того момента, когда тишина станет такой густой, что в ней можно будет утонуть.

— Лада, — сказал я. Тихо. Почти шёпотом.

Она не обернулась.

— Не спишь, кузнец?

— Не сплю.

— И я не сплю.

Тишина. Треск поленьев. Шум реки за стенами. Где-то далеко ухал филин. Где-то ближе шуршала мышь-полёвка. Мир дышал. Медленно. Глубоко. Как Лесовик в берёзе.

— Лада.

— Что, соколик?

— Зачем я тут?

Она обернулась. Посмотрела на меня. И в полутьме, в отблесках костра, её глаза были не изумрудными. Они были чёрными. Как омут. Как та река, где русалка сидела. Глубокие. Без дна. И в них не было ответа. Был только вопрос. Который она задавала мне. Молча. Без слов. Зачем ты сам думаешь, что ты тут?

— Я же тебе сказала. Судьба.

— А что это значит?

Она встала. Подошла ко мне. Медленно. Как кошка. Бесшумно. Присела на край топчана. И положила ладонь мне на грудь. Там, где сердце. И я почувствовал, как её пальцы нашли то место, где оно бьётся. И прижали. Не сильно. Нежно. Как прижимают бабочку, чтобы не улетела. Но и не раздавить.

— Это значит, что ты больше не уйдёшь, — сказала она. — Не сегодня. Не завтра. Не через неделю. Ты останешься. Пока не поймёшь, зачем ты тут. А может, и после.

— А если я пойму?

— Тогда решишь сам. Уйти или остаться. Но пока ты не понял — ты тут. И это не я тебя держу. Это река держит. Это лес держит. Это Духи держат. Я просто рядом.

Её ладонь была тёплой. Я чувствовал, как от неё идёт тепло. Не жар. Не огонь. Тепло. Как от печки зимой. Как от солнца в сентябре. Как от тела другого человека, который не хочет от тебя ничего. Который просто рядом. Который просто есть.

Я взял её руку. Прижал к груди. И почувствовал, как её пальцы дрогнули. Чуть-чуть. Едва заметно. Но дрогнули. И в этом дрогании было всё. Тридцать семь голосов Рода. Болезнь, которая выкосила их всех. Долгий путь из Сибирских лесов. Изба на берегу Пистайоки. Костёр. Полынь. Ромашки. Уха. И я, голый, обездвиженный. Привороженный, разрушенный, полностью потерянный. Приплывший по реке, как бревно сплавное, как щепка ненужная. Кого вода принесла и сказала: «Вот. Возьми. Он твой. Если хочешь».

— Лада.

— Что?

-- Иди ко мне

Она не засмеялась. Не смутилась. Не отвела глаза. Посмотрела на меня долгим пронзительным взглядом. И так внимательно, как будто читала не моё лицо и взгляд. А что то несо-размерно дикое, оторванное от людей и времени то, что даже мне не принадлежит. Что-то, что я сам в себе не видел никогда. А она видела.

— Знаю и вижу твоё желание которое ты и сам не ведал. Я видела его тогда, когда ты ещё рыбачил и я видела тебя стоя ельнике наблюдая за тобой, — сказала она. И твоя наковальня звенит уже с того часу, как ты прибыл сюда в эти края потому что душа твоя тебя сюда привела, суженный мой, сокол мой ясный.

И засмеялась шепотом. Тихо так, не звонко как раньше а как украдкой в школе во время уроков прилежная ученица опасаясь укора учителя. И так мягко, как будто смех был не для меня, а для себя. Для очага и этой ночи. Для Духа леса, берёзе, который слышал всё и наблюдал.

А потом она наклонилась, и поцеловала меня не в губы. В лоб. Как мать целует ребёнка, или как сестра целует брата. И как женщина целует мужчину, которого не хочет потерять. Её губы были тёплыми, сухими, и горько пахли полыньёю с ромашками. И чем-то ещё незнакомым, чему нет имени в моей памяти.

И я уснул. Не от трав. Не от усталости. От того, что впервые за много лет мне было не страшно.

На четвёртую ночь я не спал. И Лада не спала. И мы не говорили.

Катерина ушла к реке. Сказала: «Проведаю ставни». И не вернулась до утра. Может, ставни проводывала. Может, с Водяным говорила. Может, просто сидела на берегу и слушала, как вода несёт свои воды на север. В бесконечность. В леса, где нет ни мобильной связи, ни интернета, ни чертовых пробок со смогом и патрулями.

Лада пришла ко мне сама. Тихо. Бесшумно, как кошка, сев на край топчана. И стала медленно расстёгивать свою рубаху. Медленно. Пуговица за пуговицей. Не торопясь. Не играя. Не соблазняя. Просто тихо снимая глядя мне в глаза, понимая всю силу власти надо мной и временем в это мгновение. Снимала как снимают одежду, когда жарко, когда больше не нужно прятаться и когда ты дома.

Рубаха упала. И я увидел всю её красоту уже не через ткань. Не в отблесках костра. А всю белую, тёплую, и такую живую и трепетную как пламя свечи. С родинкой на левом плече. С тонким шрамом на рёбрах, и с тяжёлой грудью, которая качалась в такт дыханию. Со шрамом над грудью, над которой была еле заметная полоска — след от чего-то давнего похожего на колотую рану. От чего — не спросил. Не нужно. У каждого есть шрамы, и родинки. Ведь это карта карта жизни. Карта тела. Карта того, кто ты есть и где ты был

Она легла рядом. И я обнял её. И она была тёплой. И пахла полыньёю. И ромашками. И рекой. И дымом. И чем-то ещё, чему нет имени. Чем-то, что бывает только у женщин, которые живут не в городе. Которые спят на оленьих шкурах. Которые расчёсывают волосы у костра. Которые говорят с русалками. Которые просят разрешения у ручья. Которые знают имя каждого дерева и характер каждого камня.

Мы были медленными, не спешными. И мне не нужно было торопиться как в клубном туалете или заднем сиденье авто, и не как с Леной, приворожённый, одурманенный, потерянный.

А как в первый раз. Как будто до этого ничего и никого не было. Как будто все те бабы — Катя, Света, Ирка, Лена, многие десятки других, безымянных, — были не со мной. Были с кем-то другим. с кем-то, кто жил до меня. И я начался здесь. В этой избе, и на этой шкуре. С этой женщиной, которая пахнет полыньёю и говорит русалкам «здравствуй, сестрица».

Лада дышала глубоко, ровно. Как река за стенами, как лес вокруг ночью. И каждый выдох — как откат. И я двигался не торопясь, не доказывая что дескать смотри ёпть как я могу. Не трахая! А любя, впервые в жизни и по-настоящему. Находясь при трезвом уме и памяти а не в пьяном угаре куражась от клуба к клубу.

Влюблённый мужчина не умеет врать и лицемерить, он не притворяется. Он просто любит. Лада прижалась ко мне всем телом и прошептала:

— Вот теперь ты тут, соколик. Вот теперь ты здесь.

И я уснул. И не снилось мне ничего. Впервые за двадцать лет.

Утром я проснулся. Лады рядом не было. Костёр догорал. В избе пахло дымом и травами. Я лежал и смотрел в потолок. На чёрные брёвна, н гирлянды сушёной рыбы. На мешочки с травами. На ведро-дымоход, перевёрнутое кверху дном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.